

Мы находились в Германии на протяжении месяца, очень сложного для нас во всех отношениях. Я привезла на лечение маму с диагнозом рак легких IV степени с множественными метастазами. Особой надежды не было, хотя точный диагноз в России так и не поставили (не сумели!!! взять биопсию). Приехали в незнакомую страну, без языка (я переводила все на английский, которым владеют все медики в Эссенской клинике), без денег (у нас был спонсор, но мы чувствовали себя обязанными экономить по-максимуму), и без перспектив...

В аэропорту Дюссельдорфа нас встретил Владимир Мясников, так просто и по-домашнему, что напряжение сразу стало спадать. Тут же отвез в гостиницу, а следом в свою клинику для первоначальных анализов. Уже через несколько часов мы сделали больше, чем в Москве за неделю. В первый же день, а это была пятница, расстроило то, что в больницу лечь до понедельника не получится (нормальная европейская страна, у всех week-end). Володя спокойно сказал, что у нас есть двое суток осмотреть Дюссельдорф. Чудесное место, где волей-неволей забываешь о своих горестях, а даже если и вспоминаешь, то болеть в такой красоте и комфорте много приятнее, чем в самой крутой Московской клинике.

В университетской больнице города Эссен, где мы были без всяких бюрократических проволочек приняты в понедельник утром, нас встретили так, как в Москве встречают подростка с переломом руки: ничего страшного, у всех бывает, сейчас будем работать. Бодрость, отзывчивость, деловой подход сразу настраивают на позитив. Кукситься не получается. По любым вопросам мы сразу связывались с Володией, который оперативно все решал и мы чувствовали себя защищенными от возможных осложнений, в отсутствие которых после Москвы просто не могли поверить. Несмотря на занятость, наш лечащий врач, Доктор Полькамп, находил время на то, чтобы просто поговорить, утешить, и вытереть мои слезы тогда, когда казалось, что мы зря приехали, зря тратим чужие деньги, ведь все равно ничего сделать нельзя. Никто ни разу не сказал, что мама СМЕРТЕЛЬНО больна. Говорили только о том, что и как надо делать. Все обследования проходили очень быстро, по два-три в день. Все невероятно тактично, настолько, что даже смущает российского пациента (ни один врач не начинает общение предварительно не представившись, не пожав руку, не спросив как настроение; ни один врач не сказал - "раздевайтесь", везде специальные кабинки, где можно раздеться без посторонних глаз и одеть специальную рубашку, которая врачу не мешает, а у пациента не возникает такой привычной для нас неловкости). Да и вообще, все так отличается от России (даже кровь берут не из пальца, а из уха, что совсем не больно), что становится интересно просто наблюдать и замечать различия. Моя мама - врач, и ей все это было особенно важно углядеть.

Были, правда, медики, которые совсем не понравились и очень напомнили московских наглых хамов - окулисты и лоры из поликлинического корпуса. По специфике маминной болезни, нам пришлось несколько раз туда ходить. Очереди, полное отсутствие взаимопонимания между самими врачами (в каждом кабинете надо было заново проверять зрение и глазное давление, как будто-то по дороге от кабинета до кабинета оно могло измениться), надменность и отсутствие заинтересованности в результате исследований. Правда, утешало то, что врачи из того отделения, где мы лежали (TumorKlinik), предупредили нас об этом заранее. Видимо, это нетипично для немецкой системы, раз нас предупреждали и утешали заранее.

Кстати, наш визит пришелся на период забастовки среди медицинских работников, но мы ни в коей мере не ощутили того, о чем говорили в вечерних новостях по немецкому телевидению. Все было быстро, четко, эффективно. Уверена, во многом за счет стараний доктора Мясникова.

Вскоре нам пришлось переехать в другую клинику (Ruhrland Klinik), где работает один из лучших специалистов по раку легких Prof. Stamatis. Это совсем другое учреждение, более суровое, с более строгими правилами, но опять же, мы обо всем знали заранее, а доброжелательность персонала и ощущение, что можно всегда позвонить

Володе, придавало сил. К родственникам и там и там отношение прекрасное, можно допоздна сидеть, можно и на ночь остаться, можно в любой момент обо всем спросить.

Все дорогостоящие исследования – МРТ или компьютерная томография – делаются гораздо быстрее и на совсем иных аппаратах, чем в Москве. Если результаты готовы не сразу, то никто не заставит ждать до завтра, позвонят, как только будет ясность, придут и расскажут все. Вообще, все предельно честно, но без пессимизма. Например, делали маме МРТ грудной клетки, случайно врач заметил что-то подозрительное в печени. Назначили дополнительно УЗИ и сказали: «Мы заметили поражение печени, поэтому надо сделать УЗИ. Это может быть метастаз, но может быть и просто тень какая-то, ведь мы же пока даже точно не знаем, есть ли у вас рак.» Эта откровенность и пугает и нравится, ведь очень важно понимать, что с тобой происходит, почему нужно делать то-то и то-то, особенно, когда за все платишь деньги.

Но главное, мы чувствовали искреннюю поддержку со стороны всего персонала, со стороны Володи и его семьи, и я уверена, что эта поддержка тоже во многом определила положительный исход нашего пребывания в Германии. Диагноз - рак, маме исключили, и в Москву мы возвращались с диагнозом саркоидоз III степени. Так что вот, в Москве не сумели отличить рак от саркоидоза.

Единственная проблема, с которой мы столкнулись по возвращении, это то, что все счета из клиники приходили очень долго и, главное, были на немецком. Если кто-то, как и мы, пользуется поддержкой спонсоров, то это весьма неудобное обстоятельство. Лучше получать счета с переводом и прямо из клиник, где проходило лечение, так легче отчитываться. А в остальном, если, не дай Бог, придется еще раз воспользоваться помощью Доктора Мясникова, воспользуемся.